

Услышав песню «Ромашки», я поняла, что Игорь Растеряев – это очень серьёзно. Что не случайно люди разного возраста, разных интересов задают один и тот же вопрос: «Ты слышала Растеряева?»

ПЕСНИ КАЗАЧЬИ И БОГАТЫРСКИЕ

«Ромашки» – страшная песня. Всё в том же своём образе сельского парня, актёр из Санкт-Петербурга снова идёт по полю – на кладбище. «К погибшим от алкоголя друзьям Васю и Роману».

У меня лежит не один товарищ
На одном из тех

деревенских кладбищ,
Где тёплый ветерок

на овальной фотке
Песенку поёт о палёной водке.

Себе такую дорогу
Ребята выбрали сами,
Но, всё же, кто-то, ей-Богу,
Их подтолкнул и подставил.
Чтоб ни работы, ни дома,
Чтоб пузырьки да рюмашки,
Чтоб вместо Васи и Ромы –
Лишь васильки да ромашки.

У меня лежит не один товарищ
На одном из тех

деревенских кладбищ,
Где тёплый ветерок

скачет изумлённо,
Синие кресты помня поимённо.

Но все слова бесполезны,
И ничего не исправить.
Придётся в банке железной
Букет ромашек поставить.
Пускай стоит себе просто,
Пусть будет самым красивым
На деревенском погосте
Страны с названием Россия.

Моё поколение выросло на песнях Владимира Высоцкого. Я никогда не любила его творчества, но прекрасно понимала, почему не люблю. Для меня, московской девчонки, которой очень повезло родиться в своей семье, «национальным» было «Слово о полку Игореве», которое я знала наизусть – в древнерусском оригинале, разумеется. Хорошо, если подобное виденье мира было присуще хотя бы одному проценту населения. Ну а остальные 99 % ? Народ, подвергшийся прополке на-выворот – когда вместо сорняков с кровью выдирались лучшие растения – «кулаки» и «середняки». Три поколения, выросшие в сёлах, где храмы превращены в склады, не умеющие перекрестить лба. И этот, не помнящий родства народ, лишённый деревенской традиции и не веда-

ющий городской, был переплеснут из деревень в большие города. Но изуродованный красными компра-чкосами народ всё же имел душу живу, страдающую, но немую. Голо-сом этого безмолвного и убогого народа и стал Высоцкий. Да, сам он не был «прост», но онемевшая душа искала голоса. И нашла его.

Сейчас возможностей побольше. Интернет, как-никак. Но, если нико-го нет, то и возможности вроде бы ни к чему.

Пока учёные мужи сшибались лбами в поисках национальной идентичности, Игорь Растеряев про-сто взял гармонь и вышел в поле. И – запел.

Но есть у Растеряева и то, чего у Высоцкого не было (видимо, не мог-ло и быть тогда, в том времени) – песни задорные, весёлые. Именно весёлые, а не смешные, это разли-чие весьма существенно.

Разлетаются чёрные вороны,
Уползают в леса упыри.
Это мы едем, русские воины,
Называют нас «богатыри».
Богатырство не мерится возрастом,
Дело в силушке и кураже.
Вон, Илюха из Муромской области
К нам призвался за тридцать уже.

А ведь раченьем некоторых наших творческих личностей, алчущих художественно воплотить нацио-нальную идею, у меня было возник-ла аллергия на Илью Муромца. Я уж думала навсегда. Но «Илюха из Му-ромской области» в исполнении Растеряева нисколько не раздража-ет. Фальши, искусственности – нет. Есть достаточно условное и осовре-мененное художественное простран-ство, где вместо гуслей – гармонь, где тянутся к небу подсолнухи и крепко сидят в земле картошка.

В поле камень стоит занимательный,
Три дороги указаны в нём.
Мы его прочитаем внимательно
И попрём как всегда напролом.
Змей Горынычу не покораемся,
Пред Кашеем не падаем ниц.
Нашей силушки хватит, ручеюся,
На пятьсот Шамаханских цариц.
Да, не нужны те царицы нисколечко,
Все они наших девок тощей.

Нам вернуться б к Анюткам
да к Олечкам,
Да к родному котлу кислых щей.
Да ещё бы печёной картошечки
И ещё бы солёных грибов.
Эх, давай заливайся, гармошечка,
Подпевай нам степной ветерок.

Что занятно – в записи концерта слышно, как, когда певец объявляет новую песню, в зале дружно сканди-руют: «Любо! Любо!!». Явление об-ретаёт очертания на глазах.

Игорь Растеряев не любит «гла-мурных дур». Это именно «гламурной дуре» – глянцевой «журналистке» Ка-лядиной – дали «Русского Буккера» за мат, срам и смрад. Давали, есте-ственно, другие «гламурные дуры» с «гламурными дураками» – те, кто хо-чет, чтобы русский язык захлебнулся в мате, а русский народ в пьяной бле-вотине. И того, чтобы разврат (ещё один спутник народного вырожде-ния) и дальше почитался нормой.

Насколько я успела узнать, Расте-ряев поборник трезвой здоровой жизни. Хочется не только того, что-бы хлопья чёрные матерщины осы-пались полностью, но и того, чтобы уже подспудно поднятые на щит в «Богатырях» семейные ценности и наше «северное целомудрие» и дальше отражались в его песнях.

В стране, где все телеканалы ок-купированы бездарностью и пошло-стью, но где люди скоро попросту перестанут смотреть телевизор, у та-ланта есть все шансы взлететь очень высоко. Игорь Растеряев – ещё не народный голос. Но он вполне мо-жет им стать.

Успехов, Игорь!
Елена ЧУДИНОВА
На снимке: Игорь Растеряев в фильме о войне.
<http://www.taday.ru/text/1112402.html>

БЫЛИНЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ: У СЛАВЯН НЕТ БОГА ВИНА, БОГА ПИВА ИЛИ БОГА МЕДОВУХИ

Лада – славянская богиня любви и красоты

Обрядово празднество сопровождалось игрой в горелки, а это не что иное, как любовные игры, пред-восхищающие супруже-ство, иначе именуемое ла-дом.

В «Былинах» описываются весёлые пиры при дво-ре Владимира Красное Солнышко. Но нет в них описания опившихся, валя-ющихся на земле, теряю-щих человеческий облик. Во всех западных эпосах они есть: и в «Старшей Эдде», и в «Младшей

вых, это эпос Новгорода – самого европейского горо-да Руси, члена Ганзы. Во-вторых, бесконечные при-ключения Садко содержат только один «пьяный» эпи-зод. Остальные примеры гульбы – не пьянка, а ско-рее безудержное, разуда-лое веселье, такое, как пляски морского царя под гусли Садко.

Обратим внимание ещё вот на какую деталь: в рус-ском законодательстве нет никаких ограничений пьян-ства и наказаний для пья-

Среди славянского пантеона – Дажьбог, Перун, Ярила и про-чие – никто не может похвастаться такой удивительной специа-лизацией. Даже такое славянское божество, как Услад или Ос-лад, которое можно как-то соотносить с удовольствием, возможно с натыжкой и «медопитием», всего лишь покровительствовал ис-кусству и всегда сопровождал Ладу – славянскую богиню любви, красоты и гармонии.

Эдде», и в «Песне о Ни-белунгах». А в «Былинах» – нет!

В о о б щ е единственный случай упоминания пьяниц и пьянства на Д р е в н е й Руси – это история про Садко и голь перекатную.

Но, во-пер-вых, это эпос Новгорода – самого европейского горо-да Руси, члена Ганзы. Во-вторых, бесконечные при-ключения Садко содержат

ниц. Нет осуждения пьян-ства, рассказов для детей о вреде пьянства. Этого нет ни в «Поучениях» Мо-номаха, ни в святоотечес-кой религиозной литерату-ре, ни в других книгах Древней Руси. Нет упоми-наний о пагубных послед-ствиях пьянства, по сути, нигде.

Причины этого явления могут быть две: или то-тально запойный характер общества...

Но мы уже знаем: пили мало, или, видимо, верно другое предположение: пьянство и последствия пьянства не представляли собой общественной про-блемы.

Там же, где производи-ли вино и сложились тра-диции винопития, там при-ходилось обращать внима-ние на отрицательное влия-ние алкоголя на здоровье и характер человека.

В винодельческих куль-турах обсуждались вопро-сы о том, передаётся ли алкоголизм по наследству и как влияет пьянство ро-

дителей на физическое и психическое состояние детей. И мифологические герои вели себя соответ-ственно. Из римской мифо-логии известно, что от пья-ного Юпитера и его суп-руги Юноны родился хро-мый Вулкан. Это своего рода предупреждение пьющим – вот что может произойти! В славянской мифологии нет ничего по-добного даже отдалённо.

Где пьянство и запои, там появлялись различные правила и ограничения. Известна суровость ранних римских нравов. Но и на их фоне законы о винопитии очень строги.

В Древнем Риме по за-конам Ромула мужчинам до 35 лет вообще запрещалось употреблять вино, не разрешалось пить вино женщинам. Если римлянка допускала до себя пья-ного мужа, её закапывали живой (!).

В Древней Греции был издан закон, запрещающий новобрачным употреблять вино в день брака. В Кар-

Мат не торопится в утиль (зарисовка с натуры)

Иду я как-то в воскресенье по своей родной улице Посадского и слышу за собой шаги и говор идущих за мной молодых парней. Было им не более 25-30 лет и двое из четверых несли лёгкие новые пласти-ковые канализационные трубы. Ноша была не тяжё-лая, погода отличная, настроение у всех, судя по инто-нации речи, хорошее. Разговор шёл на бытовые темы и пересыпался отборным матом. Назвать его руганью было бы неправильно, т.к. скверные слова произно-сились спокойно, если не сказать доброжелательно. Такое бездумное употребление бранных слов вызы-вает у меня даже ещё большую тоску и огорчение, нежели «уместная» ругань, вызванная гневом, либо ситуацией, требующей особого, как правило физичес-кого, усилия. Всё это хоть как-то объяснимо. Слож-нее объяснить якобы немотивированную матерщину. Пробую подыскать аналогию и нахожу: «Речь без мата, как еда без соли». Нетрудно догадаться, что здесь за-менены слова жизнь и риск. Ну да, солёное словцо придаёт скучноватой обыденности в общении как бы остроту, вкус.

Иду дальше и думаю вот о чём. Ребята намерева-ются где-то произвести ремонтные работы, и то, что они говорят о чём-то постороннем, свидетельствует о том, что им этот труд неинтересен и не побуждает к обсуждению деталей и особенностей предстоящей деятельности, к поиску каких-то решений, которые бы сделали их труд, скажем, более производительным, безопасным, рациональным и т.д. Я убеждён, что если бы такое обсуждение имело место, то свидетельство-вало бы об интеллекте, мастерстве и наверняка не потребовало бы нецензурных выражений. Или я не прав?

Какой вывод напрашивается из приведённого выше? Попробую ответить так. Нам сейчас трудно судить, как бы эффективна была та или иная система запретов. Последние лет 25 наблюдается экспансия сквернословия в литературе, театре, в СМИ. И ника-кой реакции властей. И не только властей, но и ав-торитетов нашей культуры. Они либо профаны, либо боятся показаться несовременными. А как иначе? Ду-маю, что вкупе с запретами саму жизнь следует из-менить таким образом, чтобы была охота в труде пре-успевать, а, значит, подключать интеллект.

Теперь об одном предложении по борьбе с ма-терным словом. Современный технический уровень позволяет без труда замерить, насколько часто про-износятся нецензурные слова, ну, скажем, в каком-то помещении, салоне автобуса, у прилавка магазина и т.д. Замеряется так называемый градус матерщины. Такой прибор сможет подавать особый сигнал «бед-ствия», если градус начинает превышать принятый за норму условный уровень. И тут из репродуктора раз-даётся: «Граждане, просим не выражаться нецензур-но. В противном случае торговля будет приостано-лена». Создание такого прецедента, да ещё с пока-зом по ТВ, многих заставит призадуматься, а иные про-сто прекратят выражаться. Данная идея лежит на по-верхности, и если не воплощается в жизнь, то ско-рее потому, что существует установка: не мешать оди-чанию народа.

Мат не торопится в утиль, да и зачем туда спешить,
Когда ему придали крылья и приказали долго жить.
Не он себе, а мы ему, простите, коль кого обидел,
Но осуждения властей я двадцать лет уже не видел.
Так что же делать нам теперь,
чтоб сквернословье заарканить
И отвезти его на склад,

чтоб в печь плавильную отправить?
Вопрос наш в воздухе висит и ждёт ума средоточенья.
Мы приглашаем дать проект нетривиального решения.
Лев Сергеевич КОЗЛЕНКО, 6 июня 2012 г.

фагене запрещалось пить вино в те дни, когда испол-нялись супружеские обя-занности.

В Древнем Китае толь-ко в 60 лет человек полу-чал три привилегии: отпу-стить бороду, ходить с па-лочкой и пить вино.

В Древней Индии, если уличали в пьянстве пред-ставителя высшей касты – брамина, то заставляли пить из раскалённого ме-таллического сосуда кипя-щую жидкость до тех пор, пока он не погибал.

Жёны браминов, если нарушали обет воздержа-ния от алкоголя, изгонялись из дома, души их присуж-дались к переселению в собаку или стервятника, а на лбу у них калёным же-лезом выжигали изобра-жение бутылки.

В Европе Средневеко-вые отмечено широким распространением пьян-ства и алкоголизма. «Гер-мания зачумлена пьян-ством», – восклицал в XVI веке реформатор церкви Мартин Лютер.

Но разве одна Герма-ния? «Мои прихожане, –

жаловался одновременно с ним английский пастор Уильям Кент, – каждое вос-кресенье смертельно все пьяны».

Ещё перед вторжением норманнов в 1066 году жи-тели Британии, в основном саксы, завоевали репута-цию горьких забулдыг.

А всё из-за пива, которое стали потреблять вместо воды, потому что в воде находились возбудители опасных болезней. Нака-нуне прихода в Англию норманнов уже при каж-дом монастыре и аббатстве был свой пивной заводик.

«Русь вступила в Сред-невековые трезвой», – ут-верждают специалисты, изучавшие этот вопрос. С этим согласны, в принципе, многие. Но дело в том, что Русь и вышла из Средне-вековья трезвой.

В. Р. МЕДИНСКИЙ
Из книги «О русском пьянстве, лени и жестокости. Мифы о России»
<http://avega.net.ua/avega/index.php/poznavatelnoe/2545-2012-03-22-15-54-49.htm>